УРОКИ ИСТОРИИ

Как известно, в соответствии с изменениями в Федеральном законе «О днях воинской славы и памятных датах России», начиная с нынешнего года 2 сентября отмечается как «День окончания Второй мировой войны (1945 год)». Именно в этот день 65 лет назад в Токийской бухте на борту американского линкора «Миссури» представители Японии подписали официальный акт о безоговорочной капитуляции своих вооруженных сил. Естественно, в сознании нашего народа 2 сентября остается Днем победы над Японией. О значении этой победы и некоторых ее уроках применительно к реалиям нашего времени размышляет доктор исторических наук генерал армии Махмут ГАРЕЕВ.

Советские танкисты преодолевают хребет Большой Хинган, август 1945 г.

ОБРАТИМСЯ к реальным историческим фактам. Во время войны с Германией Япония держала у наших границ до 40 дивизий. В августе 1945 года ее вооруженные силы насчитывали около 7 млн. человек, 10 тыс. самолетов и 500 боевых кораблей, тогда как США и их союзники в Азиатско-Тихоокеанской зоне имели порядка 1,8 млн. человек и 5 тыс. самолетов. Основные силы Квантунской армии могли быть сосредоточены против американцев, и тогда (как предполагали сами руководители США) боевые действия продлились бы еще два года и, соответственно, возросли бы потери. Военный министр США Г.Л. Стинсон в памятной записке Трумэну от 02.06.1945 г. писал: «Начав вторжение, нам придется... завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию».

Таким образом, вступление Советского Союза в войну против милитаристской Японии в августе 1945 года сыграло важнейшую роль для победоносного завершения Второй мировой войны. Ведь даже после применения Соединенными Штатами атомных бомб по городам Хиросима и Нагасаки в начале августа 1945 года Япония не собиралась капитулировать. Только вступление Советского Союза в войну вынудило ее к этому. По словам Черчилля, согласие Советского правительства вступить в войну против Японии «имело величайшее значение» для Англии и США.

У Советского государства были обязательства перед союзниками, которые мы не могли не выполнять. Еще в декабре 1941 года - сразу после нападения японцев на Перл-Харбор - Рузвельт настоятельно просил Сталина выступить против Японии. В то время Сталин не счел это возможным. На Ялтинской конференции было достигнуто соглашение о вступлении СССР в войну против Японии через 2-3 месяца после окончания войны с Германией. Так, собственно, и случилось.

ТРЕБУЮТ уточнения и прошлые установки нашей историографии, когда войну СССР против Японии исключали из истории Великой Отечественной и рассматривали как отдельную часть Второй мировой войны. В подтверждение этой версии приводилось высказывание Сталина, который 9 мая 1945 года заявил, что Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии завершилась.

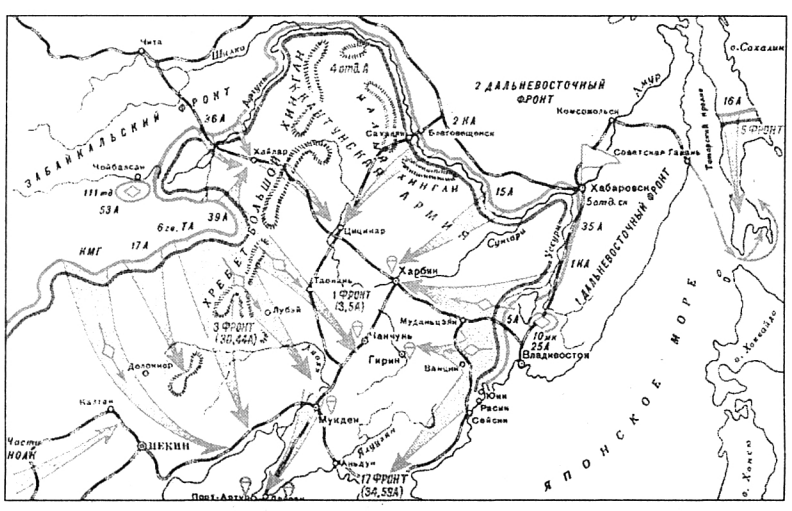
Действительно, война против Германии закончилась. Но что он должен был еще тогда объявить: дескать, через 2-3 месяца будем воевать с Японией? Чтобы историография была действительно научной, нужно исходить не из высказываний отдельных личностей, а анализировать объективную историческую действительность. А такой анализ показывает: война с Японией - неразрывная составная часть Великой Отечественной войны.

В целом задачи, которые решались в этой войне, были те же, что в Великой Отечественной - ликвидация военной опасности извне. План обороны страны в те годы исходил из единого стратегического замысла - противостояния военным угрозам на Западе (против Германии) и на Востоке (против Японии). Главная цель состояла в том, чтобы в случае агрессии разгромить противников последовательно. Разрыв во времени между поражением Германии и началом военных действий против Японии был лишь кажущимся. В действительности все эти три месяца шла огромная работа по планированию, перегруппировке войск и подготовке их к боевым действиям.

На Дальний Восток были переброшены 400 тысяч человек, 7 тысяч орудий и минометов, 2 тысячи танков и САУ, 1.100 самолетов. Поэтому как в научном плане, так и с точки зрения исторической справедливости нельзя признать обоснованными суждения некоторых историков, считающих войну СССР против Японии отдельной, обособленной частью Второй мировой войны и тем самым пытающихся исключить солдат, матросов и офицеров, сражавшихся на Дальнем Востоке, из числа участников Великой Отечественной.

По оригинальности замысла и мастерству исполнения Маньчжурская стратегическая наступательная операция является одной из самых выдающихся операций за всю мировую историю. В ней нашел воплощение весь сгусток военной мысли и военного искусства, накопленный советскими Вооруженными Силами за четыре года Великой Отечественной войны. На опыте этой операции многому можно было бы поучиться и в наше время.

Ее замысел состоял в том, чтобы концентрическими, рассекающими ударами Забайкальского фронта (командующий маршал Р.Я. Малиновский) со стороны Монголии и 1-го Дальневосточного фронта (маршал К.А. Мерецков) - из Приморья, 2-го Дальневосточного фронта (генерал армии М.А. Пуркаев) - с севера при активном содействии Тихоокеанского флота (адмирал И.С. Юмашев) расчленить, окружить и уничтожить или вынудить к капитуляции Квантунскую армию Японии. Одновременно проведением десантных операций освободить южную часть острова Сахалин и Курильские острова. Действовать предстояло против очень сильной группировки врага, насчитывавшей около 1 млн. человек, 6.260 орудий и минометов, 1.150 танков, 1.500 самолетов. Вдоль границы были созданы долговременные укрепления.



ПОДГОТОВКА операции, как я уже говорил, осуществлялась заблаговременно. Работа по ее планированию началась в Генштабе сразу после Ялтинской конференции, а непосредственная подготовка с подключением командования фронтов - весной 1945 года. 3 августа А.М. Василевский, назначенный главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, и начальник Генерального штаба А.И. Антонов докладывали Сталину окончательный план операции. Маршал Василевский предлагал начать наступление только силами Забайкальского фронта, а в полосах 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов проводить лишь разведку боем с тем, чтобы главными силами этих фронтов перейти в наступление через 5-7 суток. Сталин с таким предложением не согласился и распорядился начать наступление одновременно всеми фронтами. И, как показали последующие события, такое решение Ставки было более целесообразным, поскольку разновременный переход фронтов в наступление лишал Дальневосточные фронты внезапности действий и позволял командованию Квантунской армии маневрировать силами и средствами для последовательного нанесения ударов на монгольском и приморском направлениях.

Надо заметить, что условия ведения операции, особенно перехода в наступление, существенно отличались от тех, что были на советско-германском фронте. Прежде всего сложность состояла в том, что подготовительные мероприятия осуществлялись при отсутствии официального состояния войны с Японией. Скажем, данные о противнике можно было добывать только наблюдением и при помощи агентурной разведки, отличавшейся крайней ненадежностью. В то же время таежная местность затрудняла наблюдение, а воздушную разведку с нарушением границы или разведку боем вести было невозможно. Выдвижение в приграничную зону, в исходное положение для наступления большого количества соединений и частей, в том числе артиллерии, до начала военных действий также представлялось нецелесообразным с точки зрения соблюдения скрытности. Прорыв же укрепленных районов по канонам военного искусства требовал организации мощной артподготовки, наступления из положения непосредственного соприкосновения с противником.

С учетом всего этого и шел мучительный поиск оптимальных решений. Первоначально предполагалось провести артиллерийскую и авиационную подготовку в течение трех суток, создав на направлении главного удара плотность до 250 орудий и минометов на километр фронта. Но было ясно, что в период длительной артподготовки противник, особенно в глубине, сможет изготовиться для отражения нашего наступления. Проведение же короткой и мощной артподготовки (в течение 1-1,5 часа) не обеспечивало надежности огневого поражения противника. Во второй половине июля вопрос о способе перехода в наступление был рассмотрен еще раз. Командующий 5-й армией Н.И. Крылов предложил начать наступление вообще без артподготовки, внезапно перейдя госграницу передовыми батальонами, а главные силы до начала перехода границы держать в глубине, часть артиллерии выдвинуть ближе к границе и иметь в готовности к открытию огня. После напряженных раздумий, анализа всех плюсов и минусов предложение командарма было утверждено, и такой способ действий полностью себя оправдал.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УСТАНОВКА на скрытность подготовки операции и внезапность действий накладывала свой отпечаток и на деятельность командования и штабов. Были приняты строгие меры маскировки перегруппировки войск с запада. Никто, даже офицеры штабов не знали, куда и с какой целью перебрасываются войска. В это время в пограничной зоне соблюдался обычный режим. Рекогносцировки проводились совместно с пограничниками и в форме погранвойск. Скрытности способствовал и выбор времени начала операции. Как потом показали пленные японские генералы, они полагали, что советское наступление, если и состоится, то не раньше сентября (в наиболее сухое время), но не в августе, когда идут сильные дожди и дороги раскисают.

Большое внимание уделялось подбору кадров. Командармы и командиры дивизий подбирались с учетом их опыта в прорыве обороны, в действиях в оперативной глубине и т.д. Для усиления войск Дальнего Востока с западных фронтов было направлено 10 тысяч офицеров, имеющих боевой опыт. Между прочим, в связи с этим возникали и сложные моменты. Известно, что многие командующие и командиры, находящиеся на Дальнем Востоке, во время войны неоднократно подавали рапорты о направлении их на фронт. Но им объясняли, что они тоже выполняют боевые задачи и нужны здесь. Когда же такая пора настала, их начали сменять командиры, прибывшие с Запада. Были конфликты, эксцессы. По-человечески все это можно понять. В то же время нельзя было допустить и того, чтобы командовали войсками генералы и офицеры без опыта, когда имелись закаленные, опытные кадры.

НАЧАЛАСЬ Маньчжурская операция в 1 час ночи (по хабаровскому времени) 9 августа 1945 года. В Приморье шли ливневые дожди, что тоже способствовало скрытности действий. Передовые батальоны в сопровождении пограничников бесшумно перешли границу и в ряде мест овладели долговременными оборонительными сооружениями врага еще до того, как их заняли японские расчеты. Это создало условия для быстрого продвижения главных сил дивизий первого эшелона. В некоторых местах, например, в районе Гродеково, где японцам удалось своевременно обнаружить выдвижение наших передовых батальонов и занять оборону, боевые действия затянулись, но такие узлы сопротивления умело обходились нашими войсками. Из некоторых дотов японцы продолжали вести огонь в течение 7-8 суток. Это еще раз говорит о том, что, если бы наступление началось не с внезапной атаки, а после длительной артподготовки, военные действия и в целом война могли затянуться, да и потери были бы более значительными.

Совершенно не соответствуют действительности утверждения, что японские войска не оказывали сопротивления и по приказу своего императора быстро капитулировали. В ряде районов в глубине обороны нашим войскам пришлось преодолевать ожесточенное сопротивление противника. В полосе 5-й армии с особой силой (автору пришлось это видеть лично) оно было оказано в районе Муданьцзяна. Были случаи упорного сопротивления противника в полосах Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов. Противник предпринимал и неоднократные контратаки. Но они умело отражались упреждающими ударами авиации и встречными ударами наших войск. Стремительно развивая наступление, войска Забайкальского фронта продвинулись к 14 августа до 400-450 км, 1-го Дальневосточного фронта - до 200-250 км, 2-го Дальневосточного - до 100-150 км. Тихоокеанский флот осуществил высадку десантов в Корее и на Курильских островах. Квантунская армия была полностью разгромлена. Ее потери убитыми составили 84 тыс. человек, взято в плен свыше 600 тысяч. Безвозвратные потери наших войск составили 12.031 человек, получили ранения 24.425 человек.

СЕГОДНЯ по всему периметру наших границ, начиная с Прибалтики и кончая Кавказом и Дальним Востоком, к России предъявляются территориальные и другие претензии. Между тем есть и здравые рассуждения. Так, характеризуя политику Японии в отношении СССР в годы «холодной войны», профессор Калифорнийского университета (США) Цуеси Хасэгава отмечает: «Изменения, которые наступили в годы «холодной войны», произошли не в советско-японских отношениях, они произошли в США, которые стремились избежать антиамериканизма и японского национализма... Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза». То есть, на мой взгляд, во всех этих политических спекуляциях больше проглядываются интриги и геостратегические интересы США, чем подлинные интересы Японии.

Сегодня дело доходит до того, что не только в средствах массовой информации, но и на государственном и международном уровнях звучат официальные заявления, пересматривающие итоги Второй мировой войны, подрывающие основополагающие соглашения, принятые союзниками по антигитлеровской коалиции и ООН, Хельсинкскую декларацию 1975 года. Например, в недавно принятой резолюции Европарламента говорится «о возвращении Японии северных территорий, оккупированных бывшим Советским Союзом в конце Второй мировой войны и в настоящее время находящихся под оккупацией России». Спрашивается, почему Европарламент «печется» о далеких от Европы Курилах, а не о возвращении Гибралтара Испании, Вильнюса - Польше...

Вообще попытки пересмотра основополагающих решений и соглашений, закрепивших итоги Второй мировой войны, особенно по территориальным вопросам, могут повлечь за собой повальный обвал многих старых и новых противоречий и проблем, что способно снова подвести весь мир к взрывоопасной черте. И люди, которых подогревают всякого рода фонды специального назначения, какими бы благовидными предлогами они ни прикрывались, тоже должны подумать об этом. Интересы наших народов, международной стабильности требуют не заклинаний и декларативных покаяний, а объективной оценки всего того, что было, чтобы мы не зациклились на взаимных обвинениях, а больше всматривались в будущее и думали о том, как объединить усилия для совместной борьбы с современными общими угрозами.